

Критика и библиография

СЛУЧИЛОСЬ так, что, прочитав треть книги, я из-за срочных дел отложил ее и вернулся к чтению лишь спустя три месяца. Обычно, приставив прочитанные страницы, продолжал чтение дальше. Но тут решил начать читать книгу с начала и с увлечением «проглотил» ее залпом, единым махом.

Что это за книга? Остроумный роман? Психологическая драма? Остроумная сатира и юмор? Наконец, талантливо написанный детектив? Не то, не другое, не третье и не четвертое.

Прелесть и необычность новой книги кистромича Игоря Дедкова — серьезной, умной, оригинальной — как раз и состояла в том, что о серьезных вещах, касающихся современного литературного процесса, он сумел рассказать интересно, страстно, раскованно. Рассказать ярким, сочным, образным языком. О явлениях, жизненных и литературных, поведать глубоко и содержательно, без упрощенчества и в то же время просто и общедоступно, сделав их понятными для литературоведа — специалиста и для рядового читателя, интересующегося современной литературой.

Книга — эссе называется однозначно «Василь Быков» и посвящена в основном исследованию творчества одного писателя — нашего современника.

Экскурс в историю необходим, считает критик, чтобы «лучше ощутить и осознать художественно-этическое значение современного военного повествования, его истинный масштаб и, может быть, более всего выразившуюся в нем меру народного подвига и народного страдания». (Подчеркнуто мной — Е. Г.).

И на примерах русских дореволюционных писателей — участников войны: В. И. Немировича-Данченко, В. Крестовского, В. Гаршина, А. Верещагина и др. — автор книги показывает динамику роста реалистического изображения войны и человека на войне. От батальных «олеографий» с бравурными маршами, романтически-возвышенными тирадами о «кровавых барабанах», пулях — «вестниках смерти», гарцующих на нонях «отцах-командирах», «братском единении всех — без различий и чинов! — воюющих русских людей» — «линий», «толп», «лихих русских молодцов» (парадной стороны войны) до показа его изнанки («шабашовки» удалых-молодцов, умиления зрелищем человеческого безобразия, страдания раненых и т. п.) — все это проходит перед глазами.

Подобная проза не показывала реального, истинного лица войны, мало ценила жизнь рядовых ее участников. Показав разницу войны и правды о ней «по Крестовскому» и «по Гаршину», Дедков не пытается найти какой-то «золотой середины». Его прежде всего интересуют нравственные аспекты батальных повествований. Недаром

любой и нелицеприятный бой с маститыми критиками «Литературки» и «толстых» журналов, отбивая и сокрушая их жесткие нападки на мужественное и часто «горестное» творчество белорусского писателя-баталиста. И этот «бой» тоже не из легких, он за высокие принципы: правду жизни и литературы, реальную правду на реальной войне.

В. Быкова не раз упрекали в том, что у него героическое почти всегда связано со смертью, в его повестях и рассказах в войне очень много зависит от случайностей. Защищая писателя, автор монографии в специальной главе «В тисках обстоятельств» очень доказательно и зримо показывает, что «обстоятельства», случайность на войне — это закономерность, а героическое в боевой реальной обстановке в силу этих непредвиденных «обстоятельств» — «случайностей» чаще всего сопряжено с гибелью героя. Но главное здесь не в смерти — главное, что герои Быкова и погибая остаются высокими людьми и даже перед смертью думают, чтобы умереть «по-людски». Для них смерть не знак разгрома, поражения. Основное — вера в человека, его силы и возможности. «Просто обстоятельства», — констатирует И. Дедков, — столь ужасны, удары их так сокрушительны, что правда человека, выступающего под ними, и есть для В. Быкова на сегодня — главная, необходимая правда страдания и борьбы».

Как хорошо чувствуется активная боевая позиция критика, сила его аргументов и доводов, полемического задора в ответах недобросовестным критикам, в частности Б. Леонову из журнала «Знамя», обвинявшему В. Быкова в «ремаркизме» и отходе писателя «от генеральной линии советской литературы в освещении Великой Отечественной войны». В сноске на стр. 110, сообщая о несогласии с такой оценкой критики «Литературной газеты» И. Козлова, который высказал свое мнение довольно нерешительно, с оговорками: «Вряд ли можно», «не стоило, пожалуй...», И. Дедков саркастически, по-бойцовски замечает: «Очень вежливо сказано: «Вряд ли можно...» Уместнее определить рассуждения Бор. Леонова как недобросовестные».

И так, как у героев В. Быкова, как на реальной войне из стычек и боев «местного значения» составлялась картина большой реальной войны, так и из отдельных острых полемик с собратьями-критиками утверждалась своя кардинальная позиция — пространство и глубина «боя» — автора книги.

Совсем не обеляя просчетов, слабостей и недостатков отдельных произведений В. Быкова, И. Дедков встает горой за него, отменяя конъюнктурные и необоснованные нападки на писателя-реалиста. Страницы книги о случайностях на войне, о природе и характере героизма, о морально-этическом факторе в поступках героев, о высоком гуманизме и человечности быковских персонажей, как правило, предпочитающих смерть жизни с нечистой совестью, лучшие в монографии.

Прибегая к постоянному сопоставлению образов, созданных Быковым и другими — отечественными и зарубежными — писателями (в книге найдешь обращения к героям А. Сент-Экзюпери, Э. М. Ремарка, Э. Хемингуэя и др.), критик убедительно показывает различие этих героев, утверждая, что даже эти прогрессивные западные писатели, ненавидящие войну, не могли подняться до того понимания исторических, социальных и нравственных проблем, связанных с современной войной и положением человека на войне, которые хорошо ощутил, понял и передал в судьбах и характерах своих героев офицер-фронтовик В. Быков.

ОЧЕНЬ верно утверждение автора монографии о характере нашей Великой Отечественной войны, о разнообразии фронтового опыта народа, т. е. народного опыта войны, который испытывали многие и во многих местах. Поведать же правдиво о войне можно лишь только средствами реализма. «Обилие обыденно героического и обыденно трагического у В. Быкова лишней раз напоминает о том, какая была война, из каких бесконечно малых складывалась историческая победа народа». Она была бы невозможна без морально-нравственной крепости и чистоты его. И об этом многие прекрасные страницы книги.

Чувство справедливости и человечности торжествует в мире В. Быкова над низменным, корыстным, эгоистическим. Герои его — вышешной нравственной чистоты, подлинной духовной высоты, они жертвуют собой ради товарищей, идут на смерть ради спасения детей. И они не могут иначе — они «так воспитаны»!

И нельзя не согласиться с автором, подводя итог: «Вся военная проза — от давних книг Э. Казакевича, А. Бека, трилогии К. Симонова до последних романов и повестей Ю. Бондарева и В. Быкова — есть художественно запечатленный опыт участника и свидетеля войны. Наверно, он должен помочь тем, кто живет сейчас и будет жить потом...»

Е. ГОЛУБЕВ.

На реальной войне

Критик исследует «военную прозу»

менника. Но название не отбивает всей широты и глубины содержания книги. Оно лишь стержень, лейтмотив более глобального и обстоятельного разговора автора с читателем о «военной прозе», причем не только о подобной прозе последних послевоенных лет и не только о романах, повестях и рассказах советских авторов-баталистов. Существенным, а пожалуй, и главным достоинством серьезного исследования является то, что аналитический и глубокий разбор творчества одного конкретного писателя ведется на широком фоне отечественного и даже мирового литературного процесса; в сферу осмысления достоинств и потерь «военной прозы» привлечено творчество известных и малозвестных, полужабитых ныне литературоведов России и Запада, справедливые и ошибочные взгляды критиков на те или иные произведения, поддерживаемые или развенчиваемые автором. Все это делает монографию еще более емкой и солидной, обогащает читателя, если хотите, «энциклопедическими» знаниями по исследуемой теме.

Этим совсем не утверждается, что автор книги исчерпал до дна исследование «военной прозы» хотя бы наших дней (вспомните он говорит о романах и повестях 40—50-х годов, имевших в свое время «большую прессу»). Но включение в повествование аналогов и примеров из творчества Л. Толстого, М. Лермонтова, В. Гаршина, Э. Хемингуэя, Э. М. Ремарка, Р. Олдингтона, У. Фоллиера, австралийского писателя Патрика Уайта, американского писателя Эптона Майера и многих наших писателей-современников сделало книгу И. Дедкова необычно насыщенной зримым фактологическим материалом, который помогает лучше воспринять идеи и утверждения автора книги, расширяет кругозор читающих, привносит аромат наслаждения при чтении.

Монография насыщена полемикой и носит остро публицистический характер. Это делает ее явлением боевой принципиальной партийной критики, живым и остродействующим оружием развивающегося советского литературоведения.

Книга, состоящая из пяти глав, имеет свою четкую построенную композицию. Главы «Старые батальные картины. Вступление к теме», «Возвращение на войну», «Поле боя», «В тисках обстоятельств», «Необходимость героизма» несут и свою особую конкретную идейную нагрузку и логически связаны в единое целое, развивают посылы, озвученные в заглавии.

В первой главе, пожалуй, лучшей в книге, написанной с блеском эрудита, купающегося в привлеченном им «шкарном» материале — общеизвестном, казалось бы, но впервые соединенном воедино, — автор книги исследует старые батальные картины. Эпиграфом к главе, да, пожалуй, и ко всей книге, могут служить приводимые в ней слова князя Андрея Болконского из романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: «Война... самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость».

Через призму великого Толстого И. Дедков рассматривает традиции русской военной прозы. Зовет и читателя всмотреться: «Ну, а как тогда, после Л. Толстого, но еще до нас, до нашей эпохи мировых войн и революций, рассказывали о человеке воюющем, какую доблесть его воспевали, какому страданию сочувствовали, какими мыслями его наделяли?» Этот

поэтому приводится автором читателя: «Великое для человечества — несчастье для человека. Каждая блестящая страница истории — скорбный лист для народа...» Он пытается показать, как шло становление реалистического взгляда на войну, преодоление «равностной службы не Времени, но Минуте» с ее властными претензиями и беззастенчивостью. Показывает он и новый опыт с «нелегким грузом его народной памяти, с его стремлением знать всю правду о последней пережитой войне, чтобы ничто в этой четырехлетней борьбе не на жизнь, а на смерть не было напрасным, не прошло бесследно, впуская для современного человека и его будущего».

В последующих главах автор монографии о Василе Быкове детально рассматривает и исследует творчество писателя — современного баталиста, успешно осваивающего и развивающего опыт и гуманистические традиции великого Л. Н. Толстого в военной прозе.

Именно этическим, нравственным основам художественного творчества В. Быкова и посвящены глубокие аналитические исследования литературного критика, выявления глубины и обоснованности идейного содержания и структуры быковских рассказов и повестей, его поступательный творческий путь, на котором была и учеба, и неудача, и утверждение кредо, что о войне писать нужно «честно, правдиво и художественно».

Писатели 40—50-х годов Б. Полевой, Э. Казакевич, А. Твардовский поведали о подвиге народа в последнюю войну. Но это была далеко не вся правда о войне и далеко не полная. Появление «благополучно-героических штампов» оборачивалось прославлением выдуманной бесшабашной лихости, неуязвимого сверхчеловеческого мужества, легко дающихся одолений несметных орд врага, вело к упрощенчеству и шапкозакатничеству. «Литература лейтенантов», «окопников» (60-х годов) Ю. Бондарева, Г. Бакланова, В. Богомолова, В. Быкова, К. Воробьева, Е. Носова и др. принесла с собой новую, более земную правду о войне, показала реальную, взыравшую войну с ее не только возвышенными, но и темными сторонами, не содержащими ничего исключительного, с ее невозвратными жертвами, безрадостными и трагическими ситуациями, отсутствием напыщенности и помпезности.

СРЕДИ тех, кто вернулся в эти годы на «поле боя», был и Василь Быков, который вернулся, чтобы поведать читателям о взыравшей войне, о том, «во что обходилось народу победа». Он предпочел остаться на войне во имя тех, кого «уже давно нет», но кто продолжает жить «в неутраченной с годами солдатской памяти».

Очень подробно и мастерски критик рассматривает ранние и последующие произведения о войне Василия Быкова, анализирует характеры и поступки героев, их побудительные мотивы, морально-этические устои и отклонения от них, психологию чувств, проявлений героизма, мужества, страха, малодушия. При анализе рассказов и повестей «Смерть человека», «Альпийская баллада», «Эстафета», «Журавлиный крик», «Западная», «Атака с ходу», «Сотников», «Третья ракета», «Круглянский мост», «Волчья стая», «Дождь до рассвета» и других перед читателем встает целый «мир войны» писателя-баталиста, реалистически точно и сурово рассказывающего о том, что хорошо знает и что сам видел и пережил. При этом писательское «поле боя», которому критик посвящает специальную третью главу, становится одновременно — во всей книге — и «полем боя» критика: он тоже ведет сме-